

УДК 930.2:316.4:316.75

ГРНТИ 02.51.25

Историческая ответственность, историческое сознание, идеология
Historical responsibility, historical consciousness, ideology

*Кривоносова Елена Эдвардовна,
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии
ВГУ имени П.М. Машерова
Витебск, Беларусь
crielena@yandex.ru*

*Рудковский Эдвард Иосифович,
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ВГУ имени П.М. Машерова
Витебск, Беларусь
edw.ru@yandex.ru*

Аннотация

Историческая ответственность рассматривается как вид социальной ответственности, трактуется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле – это ответственность перед историей. Речь идет не просто о сохранении исторической памяти, постижении истины, но и о судьбах общества, страны. Историческая ответственность в узком смысле связана с ответственностью исследователя за воссоздание истинной картины прошлого. Специфическим способом познания истории, средством формирования исторического сознания является интерпретация. Интерпретация событий прошлого – это акт продолжения их существования в наличном общественном бытии. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов имевших место исторических событий. Истина в историческом исследовании – это процесс. Характер этого процесса предъявляет высокие требования к ответственности исследователей истории за то, что они интерпретируют и как они это делают.

Внимание уделено роли идеологии в интерпретации исторического прошлого. Отмечается, что не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных интерпретациях. Само историческое сознание является частью идеологии и политики государства. Общество не может развиваться без идеологических ориентиров и приоритетов.

Нужны духовные скрепы, ценности, разделяемые большинством населения, которые призваны объединить социум.

Abstract

Historical responsibility is regarded as a kind of social responsibility, it is interpreted in two meanings: a narrow one and a broad one. In a broad meaning – historical responsibility is the responsibility towards history. It is not just about preserving the historical memory, comprehension of truth, but also the destiny of the society and the country. The historical responsibility, in a narrow meaning, is related to the principal investigator for the reconstruction of the true picture of the past. A specific way of history learning, the means of the formation of historical consciousness are regarded as the interpretation. The interpretation of past events is an act of continuation of their existence in a personal social being. The actualization of the importance of historical events depends on the subjects of interpretation and their worldview. The truth in a historical research is the process. The nature of the process puts high requirements on the responsibility of history researchers about what they interpret and how they do it.

A special attention is paid to the role of ideology in the interpretation of the historical past. It is noted that not only ideology determines the shape of the past in different interpretations. The historical consciousness itself is a part of the ideology and the policy of the state. Society cannot develop itself without the ideological orientations and priorities. We need spiritual ties and values, shared by the majority of the population, which are designed to combine a society.

Ключевые слова: историческая ответственность; историческое сознание; интерпретация прошлого; идеология.

Keywords: historical responsibility; historical consciousness; interpretation of the past; ideology.

Камни прошлого – это ступени будущего.

(Китайская пословица)

Историческая ответственность является одним из видов социальной ответственности и ее можно рассматривать в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле – это ответственность тех, кто занимается историческими исследованиями, восстановлением и сохранением подлинной картины имевших место исторических событий.

В широком смысле – это ответственность перед историей, ответственность за судьбы общества, миллионов людей. В данном случае мы имеем в виду не просто сохранение исторической памяти, знаний о прошлом, но и будущее страны, определяемое теми или иными

действиями акторов общественных отношений. Другими словами, история – это не только «вчера», но и «сегодня», и «завтра». В широком смысле термин «историческая ответственность» применим к ученым разных научных направлений, политикам, деятелям культуры и т.д. К примеру, ученый с высоким уровнем сознания социальной ответственности не может не стремиться к тому, чтобы предвидеть возможные негативные последствия научного поиска. Свобода творчества несовместима со свободной безответственностью. Б. Юдин обоснованно отмечает, что ученые «могут не знать, каковы будут практические последствия того или иного открытия, они слишком хорошо знают, что «знание – сила», и притом не всегда добрая, а потому должны стремиться к тому, чтобы предвидеть, что принесет человечеству и обществу то или иное открытие». [11] Применительно к сфере политики можно сказать, что часто незнание – сила. На это порой и делается ставка современными политтехнологами. Но об этом речь пойдет ниже.

Историческая ответственность в широком смысле слова основывается на свободе выбора. Последний всегда обусловлен объективными обстоятельствами, зависит от убеждений и желаний людей. Вместе с тем их действия, хотя и детерминированы, но не пандетерминированы. Всегда остается возможность для выбора, а значит, правомерно говорить об ответственности. Мера ответственности определяется ценой последствий принимаемых решений. По мере возрастания цены ошибки выбора, возрастает и мера ответственности. Противоречие порой состоит в том, что с ростом цены ошибки может уменьшаться ответственность субъектов политических (и иных) действий, если предусмотреть их последствия в конкретной ситуации крайне затруднительно. Однако в любом случае, «чем выше цена ошибки, тем безответственнее взятие минимума ответственности за вероятную ошибку».[6]

Вернемся, однако, к исторической ответственности в узком смысле слова. Популярным стало утверждение, что история – это не факты, а их интерпретация. Поль Рикер отмечал, что историю событий в современных условиях сменила история интерпретаций. Её содержание – объект исторической ответственности исследователя. Интерпретация исторического прошлого во многом определяет содержание исторического сознания.

В философской и исторической литературе существуют различные подходы к определению исторического сознания, объема и содержания данного понятия, его соотношения с исторической памятью. Историческое сознание – система знаний, взглядов, традиций, обрядов, обычаев, идей, концепций, посредством которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций формируется представление о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого общества. [2] Историческое сознание включает

знания и оценки прошлого во всем его многообразии, присущие и характерные для общества в целом, так и для различных общностей, социальных групп, а также отдельных индивидов.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике. Взгляды основных представителей данного философского направления широко известны: правильное понимание исторических текстов и событий предполагает знание исторического контекста. Понимание прошлого исторически обусловлено и не может быть конечным актом, этот процесс бесконечен. Следует учитывать «индивидуальную физиономию» событий, «жизненный мир» другой эпохи.

Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать её вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк – и в который, к сожалению, очень часто впадает – состоит в том, изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. «Другой» не означает «чужой». Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия». [1, 77]

Вместе с тем вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с мыслью историка о том, что «лишь сравнительно недавно историческая наука начала освобождаться от бремени философии истории. Глобальные системы ... Гегеля, К. Маркса, О. Шпенглера образовали прокрустово ложе, куда историкам предлагалось укладывать свой материал». Сегодня, по мысли автора, историческая наука перестает быть пленницей метафизических конструкций. Историки провозглашают «Декларацию независимости» своего ремесла. В противоположность философии, социологии и политической экономии история – наука не об общих законах, а о конкретном индивидуальном, уникальном и неповторимом. [См. 1, 78-79]

Но так ли это? Вольно или невольно автор встает на определенные философские, а именно неокантианские позиции. Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, мы никуда не денемся от причин произошедшего, тенденций развития общества. А это уже, как ни крути, философия истории. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события в октябре 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи нельзя не согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие атомарные факты, «в рамках

конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк... лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания». [10, 33] Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен предпочтениями, которые оказывают той или иной теоретической конструкции, неформализованной концепции, а также интерпретационно-ценностными исследовательскими установками. [См. 10, 35] Отметим, что в современной философии истории наиболее распространенными являются цивилизационный и формационный подходы к интерпретации истории.

Интерпретация – это важнейший способ познания прошлого. При этом следует учесть, что она не может быть статичным одноразовым актом. Истина в историческом исследовании – это процесс. [См. 4, с. 180] Она не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого. Исследователь данной проблемы А.С. Табачков обоснованно подчеркивает, что верификация или фальсификация результатов интерпретации «происходит в интересующей нас области в их интеракциях с культурным контекстом и носит историчный и, несомненно, процессуальный характер. Важно также, что само это становление полученного посредством акта интерпретации дискурса, обретение им статуса значимого элемента динамики социально-гуманитарного знания никогда не является окончательным. Длительный и обратимый характер этого процесса... предъявляет более высокие, чем в любой другой области познания, требования к компетентности и ответственности членов научного сообщества». [9, 67].

Интерпретация исторического прошлого связана, как уже отмечалось, с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно связана с мировоззрением, которое включает, ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории.

Идеологическое манипулирование историческим сознанием является мощным средством управления сознанием людей. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого. [См. 8, с. 479,491] С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, бытийствовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Н. Нарочницкая отмечает: «опасно интерпретировать старые события с точки зрения наших сегодняшних политических воззрений и желаний. Если мы с философским скепсисом и мудростью сможем взирать на историю, полную несовершенств и натяжек, то сумеем выделить главное».[5]

Политическое решение – это часто выбор между гибельным и малоприятным. А когда выбирают малоприятное, возникают негативные оценки, раздаются возмущенные голоса. При этом не учитывается, что другое решение в той конкретной исторической ситуации могло быть просто гибельным для страны. Когда, к примеру, сегодня на Западе говорят об агрессивной внешней политике СССР, то забывают об историческом контексте, холодной войне, провокационной политике другой сверхдержавы. Крупнейшие европейские страны, создавая колониальные империи, не стеснялись в свое время перекраивать карту мира по своему усмотрению. Но об этом на Западе сейчас вспоминать не хотят.

Политические интересы доминирующих социальных групп всегда будут оказывать влияние на образ прошлого. Нельзя рассчитывать на то, что оценка, к примеру, причин хода и итогов Второй мировой войны по моноению волшебной палочки станет одинаковой как на Западе, так и на Востоке. Вместе с тем недопустимы подлог, искажение или замалчивание исторических фактов. Здесь можно и нужно говорить об исторической ответственности ученых, всех тех, кто так или иначе причастен к формированию исторического сознания. Порой говорят, что историки более могущественны, чем сам господь Бог, ибо Господь не может изменить прошлое, а историки постоянно его меняют. В истории, как известно, есть всё; что вам надо, то вы и достанете. Вот почему есть мера ответственности каждого историка за то, что он интерпретирует и как он это делает. Формирование исторической памяти – это часть технологий, которые могут разрушить целые государства. Длительная историческая ложь делает людей равнодушными к собственному народу и тем самым подтачивает устой общества. Интерпретация истории – это своеобразное конструирование будущего исходя из понимания прошлого. В данном контексте нельзя не вспомнить слова Дж. Оруэлла: «Кто

управляет прошлым, ... тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». [7, с. 35] Следует отметить, что не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных его интерпретациях. Само историческое сознание является составной частью идеологии государства. Здесь существует прямая и обратная связь. Мало сказать, что история есть политика опрокинутая в прошлое. История – это часть современной политики, она опрокинута в современную политику.

Распространено мнение, что идеология – это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно потрепаны в период СССР от частого употребления. Вместе с тем, опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество должно иметь идейные ориентиры. Идеология – это не изобретение коммунистов, а атрибут любого государства. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратеги Запада давно пришли к выводу, что только с помощью военных средств многие проблемы нельзя решить. Есть и другие инструменты, более эффективные, – разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа.

Запад стал навязывать неприемлемые для большинства человечества ценности – мультикультурализм, однополые браки и т.д. Наблюдается отход от христианских ценностей. На их место пришли законы, права человека, прагматизм. Но если данные ценности (их значимость несомненна) оторвать от служения чему-то высшему, то это грозит деградацией общества. Это безбожный, безнравственный демократизм и либерализм. «Политические свободы, – отмечает Г.С. Киселев, – расцветшие при повсеместно наблюдающемся «повреждении нравов», свободы, которыми воспользовались «освобожденные» от христианской морали люди, во многом оказались свободой от ответственности – неперемного атрибута граждански зрелой личности». [3, 53]

После распада СССР образовался своеобразный идеологический вакуум. Правда, следует отметить, что в последнее время В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. При этом особый акцент сделан на формирование патриотизма, гражданственности. Должна быть идеология, разделяемая большинством населения, которая призвана объединять и скреплять социум.

Идеологические и социокультурные факторы играют важную роль в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Экономика – это базис общества, который определяет все надстроечные процессы. Однако нельзя стоять

на позициях экономического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене. Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Необходимо восстановить единое гуманитарное пространство. Недопустимо, чтобы традиционные духовные и нравственные ценности, славные традиции исторического прошлого были преданы забвению. Вопросы идеологического обеспечения интеграции на постсоветском пространстве весьма актуальны и требуют обоснованного ответа.

Заключение. Интерпретация событий прошлого накладывает отпечаток на процессы современности. Важно помнить и понимать: то, что происходит сейчас – не просто новое, это, в известной мере, продолжение прошлого. При этом следует ничего не забывать, не замалчивать, а бережно хранить историческую память, уметь вовремя заглянуть в прошлое, чтобы увидеть очертания будущего. Именно в этом проявляется историческая ответственность ученых-историков и всех, кто формирует реальную политику.

Литература:

1. Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3. – С. 74 – 84.
2. Историческое сознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruslanka.ru/hist/is.php> – Дата доступа: 02.08.2016.
3. Киселев Г.С. История и ее подобие // *Вопросы философии*. – 2012. – № 3. – С. 48 – 58.
4. Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) // *Вопросы философии*. – 2012. – № 6. – С. 180 – 184.
5. Нарочницкая Н. Об особой ответственности историков // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.klaipeda1945.org/istoriya/ob-osoboj-otvetstvennosti-istorikov/> – Дата доступа : 28.07.2016
6. Николаев А. Историческая ответственность // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xsp.ru/author/outpub.php?id=495&str=0050> – Дата доступа : 11.08.2016.
7. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. – М.: АСТ, 2014. – 361 с.
8. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
9. Табачков А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлог. Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.

10. Хвостова К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 27 – 37.

11. Юдин Б.Г. Этика науки и ответственность ученого // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/kuptsov/0/j32.html – Дата доступа : 28.07.2016.